

Отзыв официального оппонента на диссертацию О.С.Октябрьской «ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЖАНРОВОЙ СИСТЕМЫ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1920–50-х ГОДОВ», представленную на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература

О.С.Октябрьская видит феномен русской детской литературы 1920-1950-х годов в том, что этот огромный раздел художественного творчества впервые в истории российской изящной словесности получил все права самостоятельности, начал развиваться по имманентным законам, стал использовать для своих идейно-содержательных, сюжетно-композиционных и стилистических нужд материалы из педагогики и психологии детей и подростков, из научно-популярных книг по точным и естественным дисциплинам. Безусловно, осталась тесная, можно сказать – «корневая», связь детской литературы этого периода с русским фольклором и древнерусской книжностью, которая прослеживалась в русской литературе на протяжении всей ее истории.

Во «Введении» О.С.Октябрьская отмечает еще одно новое качество детской литературы 1920-1950-х годов – ее «тайнопись», когда под видом игрового начала и сказки автор мог спрятать в сюжет нелицеприятные и просто запретные мысли, понятные взрослым. Таким образом, детская литература получила двойного читателя – не только ребенка, но и внимательного взрослого, который вычитывал в ней иное, скрытое содержание. Примеры такой «тайнописи» детской литературы видны в «Золотом ключике, или Приключениях Буратино» (1935) А.Н.Толстого и в сказках Е.Л.Шварца, где авторы достаточно сатирично и иронично изобразили действительность. О.С.Октябрьская говорит о положительной роли цензуры, заставлявшей писателей наиболее тщательно задавать себе самые высокие критерии художественного творчества.

Возрождение мифологии, начавшееся в литературе Серебряного века, продолжилось в неомифологизаторстве детской литературы 1920-1950-х гг.: появились мифы космологического типа о рождении нового прекрасного мира; о несущих свет и добро творцах (= демиургах) и героях новой эпохи; о новаторских традициях в семье и в построении общества по типу семьи, где все люди – братья; о поисках и обретении прекрасного дома.

Происходило создание новой философии в доступных детскому пониманию рамках: ставились задачи самопознания, свободы и ответственности, выбора жизненных приоритетов.

Наблюдалось стремление детских писателей к «синтезу искусств», то есть к перенесению в словесное творчество приемов кинематографии, плаката, музыкальности звучания и т.п.

О.С.Октябрьская обращает внимание на наличие двух больших группировок детских писателей: во-первых, профессиональных литераторов, а во-вторых, специалистов из других областей знания, пришедших в литературу с огромным жизненным опытом и потому привнесших в нее свое понимание мироустройства, практические сведения и головокружительные

описания научных подвигов, исследовательских приключений, военной службы, рыболовецкой работы и т.п.

Диссертант ссылается на утверждение исследовательницы детской речи Н.И.Лепской о том, что в детской литературе автору-взрослому приходится прибегать к особому языку ребенка и к особенностям его мышления, которые являются разными для различных возрастов, чтобы создать яркий образ главного героя, понятный детям его возрастной группы.

Итак, О.С.Октябрьская предусмотрела, вероятно, все возможные пути и закономерности формирования детской литературы середины XX века и ее многочисленные отличия от взрослой беллетристики. Исследовательница показала, что создавать детскую литературу нового образца (со всей многомерностью ее структуры, с многообразием жанров, с различием литературных направлений и школ) было существенно сложнее, чем продолжать развивать «взрослую литературу».

Многообразие исследовательских подходов, обширная источниковедческая база исследования, широкий культурно-исторический, психологический и официально-государственный контекст и точно намеченные ориентиры изучения детской литературы 1920-1950-х гг. обусловили многомерность и скрупулезность анализа, объективность и точность выводов, а кроме того – увлекательное погружение в замечательную художественную словесность указанного исторического периода.

Уже «Оглавление» показывает широту охвата, глубину и многомерность изучения детской литературы середины XX века: ее сложного жанрового комплекса, изменчивости во времени, влияния психолого-педагогических и идейно-политических установок, событийного контекста эпохи, наследования фольклорных и древнерусских традиций. О.С.Октябрьская предлагает свою систему жанров и жанровых разновидностей (у других исследователей данной темы возможны иные дефиниции жанров и их иерархия) и на огромном и тщательно выстроенном материале обосновывает собственную точку зрения.

В очень содержательном «Введении» настораживает первый пункт «Актуальности исследования» (с. 11), вызванный будто бы «необходимостью *пересмотра* сложившихся в отечественном литературоведении концепций развития русской детской литературы первой половины XX в.» (с. 11), тем более что далее приведен объемный список новейших учебников, диссертаций и монографий по детской литературе, причем докторант считает их методологически значимыми и внесшими вклад в отечественную филологию (с. 14-16), а в своей диссертации опирается на «теорию развития жанров русской детской литературы И.Г.Минераловой» (с. 16). (Здесь и далее курсив употреблен автором отзыва.)

На наш взгляд, было бы уместнее, если бы диссертант предложил усовершенствовать новейшие концепции, добавить собственное видение проблематики, обозначить новые темы и подходы к рассмотрению и решению, применить новаторскую методологию, найти и изучить неисследованные страницы детской литературы. Собственно, именно это и

делает О.С.Октябрьская в своей диссертации, и ее вклад в изучение темы детской литературы периода середины XX века и без этого неудачного первого пункта является неоспоримым и чрезвычайно высоким.

Трудно согласиться также с последним пунктом «Актуальности исследования» (с. 11), таким, как «*возрастающая роль детской литературы в образовательном и воспитательном процессах, в формировании нравственных и мировоззренческих констант подрастающего поколения*», в то время как количество изучаемых произведений литературы в школе неуклонно снижалось за последнюю четверть века, а в домашней практике семейное чтение вытесняется просмотром телефильмов и компьютерными играми. Да и сам диссертант далее верно утверждает, что именно «1920-1950-е годы – период расцвета детской литературы и ее активного развития» (с. 12), что было обусловлено успешной реализацией политики всеобщей грамотности. И далее, уже в 1-й главе, О.С.Октябрьская неоднократно именует 1920-1950-е годы «золотым веком» детской литературы.

В Первой главе «*Условия формирования жанровой системы русской детской литературы 1920–1950-х гг.*» О.С.Октябрьская кратко рассматривает историю вопроса и обрисовывает обобщенный облик писателя – смелого экспериментатора со словом, фантазера и выдумщика, однако жадно впитывающего в себя новейшие достижения науки и раскрывающего их в увлекательной форме младшему поколению. Писатель выступает в роли старшего брата, более мудрого человека, но не забывшего собственного детства и помогающего усвоить правила коллективистского общества, которые и прежде были присущи крестьянскому и рабочему сообществу.

Рассматриваются детские писательские объединения, журналы для детей в Москве и Петрограде, появление первого специализированного издательства «Детгиз» (1933), возникновение дискуссий о задачах детской литературы, необходимость в переводной литературе для детей, роль ведущих детских писателей и партийных руководителей в выработке новых критериев правильных художественных произведений для подростков. Анализируются противоречивые требования, предъявляемые к новой детской литературе: с одной стороны, соединить романтику эпохи строительства нового мира со строгой дидактикой, указывающей, какие деловые качества необходимо выработать у будущего активного члена общества, уверенного профессионала, творца производственного процесса.

Чрезвычайно содержательным оказывается описание политики государства в области детской литературы: создание в 1920 г. на базе Грибоедовского кружка рассказчиков (1914–1919) Института детского чтения под руководством А.К.Покровской, в 1921 г. появление Государственного ученого совета (ГУС), который подвиг ученых к изучению детской литературы.

Подробно рассмотрена попытка искоренить сказку для детей, выдворить ее за пределы новой детской литературы в конце 1920-х годов, а заодно объявить войну всему вымышленному, фантазийному, фантастическому как проявлениям мистицизма. Раскрыты противоположные

позиции Н.К.Крупской, с одной стороны, и А.В.Луначарского, М.Горького, с другой – относительно фольклорной и литературной сказки. По мнению О.С.Октябрьской, М.Горький высказал общую стратегию развития детской литературы, в основу которой должны быть положены «универсализм и энциклопедичность» (с. 42). К.И.Чуковский создал комический мир для детей, отталкиваясь от особенностей их мировосприятия и уникального словотворчества, присущих им неожиданных сопоставлений персонажей и поворотов мысли. Подробно отмечена организаторская и личная роль С.Я.Маршака в создании новой детской литературы и ее журналов для детей.

Проанализирована творческая борьба писателей и литературных организаций по поводу утверждения нового художественного идеала для детей – славного защитника Отечества, творческой и созидательной личности, отдающей приоритет труду на благо общества и государства, лишенной эгоизма и корыстных интересов.

В то же время вызывает недоумение тезис диссертанта: «Детская литература включает в себя как произведения *фольклорные*, так и авторские» (с. 23). Вероятно, это описка, поскольку всем известно, что фольклорные произведения более древние в своих истоках, строятся по иным законам, чем литературные (хотя и соприкасаются с ними), и бытуют в совершенно иной форме – устной, вариативной, песенной или речитативной, сопровождаемой телодвижениями и жестами, иногда еще и обиходной или специально изготовленной атрибутикой, имеют приуроченность исполнения к определенному времени суток или событию, празднику или игре, исполняются порой коллективно и требуют для этого специального костюма и масок и т.п. Хотя понятно, что познание ребенком художественной словесности начинается с фольклора (с колыбельных песен, потешек, пестушек и т.п.), предлагаемого еще с колыбели мамой. Также ясно, что изучение русской словесности в школе начинается с постижения фольклорных произведений: загадок, скороговорок, пословиц и поговорок, народных песен, сказок, былин. Кстати, отсутствующее в диссертации понятие «фольклоризм» могло бы пригодиться при анализе литературных произведений, основанных в какой-то мере на фольклорной поэтике (особенно в рассуждении о сочинениях П.П.Бажова в духе уральских сказов).

Интересным выглядит тезис диссертанта о том, что «создание детской литературы в советской стране можно рассматривать как реализацию *просветительской утопии*» (с. 30). Далее О.С.Октябрьская справедливо указывает, что «участники проекта полагали, что всеобщая ликвидация неграмотности, стотысячные и миллионные тиражи книг дадут уникальную возможность говорить с огромной детской аудиторией, воздействовать на нее, а также позволят осуществить грандиозный социальный эксперимент – воспитать завтрашнего строителя и преобразователя мира» (с. 30). И это действительно было осуществлено!

Применительно к ведущему методу детской литературы 1930-1950-х годов О.С.Октябрьская выдвигает и обосновывает «реализм особого типа, сопрягавший в себе черты и соцреализма, и неоромантизма, и даже классицизма» (с. 40). Интересно утверждение диссертанта о том, что

соцреализм привнес в литературу идеи жизнеустройства нового мира, молодости / юности страны, создания страны-семьи, коллективизма и создал целый ряд мифологем; от романтизма сохранился принцип двоемирия, идеальной действительности, динамизм сюжета, мотив путешествия, оригинальные приключения персонажей, возвышенный герой; от классицизма достались героини-резонеры, говорящие имена, мотив долга, противоборство положительных и отрицательных персонажей и т. д.

О.С.Октябрьская прослеживает психолого-педагогические периодизации детства, существовавшие в изучаемый период, описывает основные навыки и умения ребенка-читателя (или хотя бы маленького слушателя чтения) и соотносит с ними жанры детской литературы, их ведущую тематику и проблематику, стилистические приемы, познавательные и этические аспекты, гендерные установки или их отсутствие.

Каждый параграф открывается краткой предысторией и аналитической историей вопроса, приводятся точки зрения исследователей-предшественников на описываемую проблему.

Во Второй главе «Русская детская поэзия 1920–50-х гг.»

О.С.Октябрьская переходит к собственно подробному рассмотрению детской литературы 1920-1950-х годов. В поэзии она усматривает мифологизацию строящейся новой действительности: персонаж рассматривается как «представитель иной ментальности» и коллективного начала, «герои выступают родоначальниками новой эры и берут на себя функции создателей нового мира», «духовное единение оказывается гораздо важнее кровного родства» (с. 66). Возникает новая для детской литературы тема смертельной битвы и жертвенного героя, вызванная идеей о том, что счастливое будущее невозможно без жертв и потерь. Предвоенная и фронтовая обстановка 1940-х годов актуализировала воинскую тематику с идеей защиты нового отечества от фашизма. Возникает образ юного мстителя, создаются романтизированные биографии юных героев Великой Отечественной войны, павших смертью храбрых, в которых просматриваются элементы житийной литературы. Тема беспризорников и их перевоспитания в «педагогических коммунах», актуальная для детской литературы 1920-1930-х годов, замещается темой «сына полка».

О.С.Октябрьская в поэзии для детей и подростков выдвигает «жанр возрастного психологического портрета» (с. 73, 109) (в произведениях А.Л.Барто) и «социальный портрет юной личности» (с. 87) (в лирике С.В.Михалкова). На наш взгляд, было бы логичнее вести речь о жанровых разновидностях стихотворного портрета, поскольку дефиниция «жанр» является более емким и обобщающим понятием. Кстати, именно такой подход осуществляет диссертант в следующем параграфе, кроме мимоходом упомянутого «жанра стихотворения–мизансцены» (с. 107) в поэзии С.Я.Маршака.

О.С.Октябрьская выделяет жанр *рассказа в стихах* (в поэзии С.Я.Маршака), внутри которого находит три жанровых разновидности – *стихотворный рассказ-анекдот*, *стихотворный рассказ о профессиях и стихотворный рассказ об истории вещей*. Диссертант приходит к выводу,

что в любой литературной форме наблюдается общий принцип, которому подчинены сюжетно-композиционные и стилевые особенности произведения; О.С.Октябрьская подчеркивает его с помощью синонимичных терминов: «Героизм – моральный этический критерий поколения» (с. 103). Даже в рассказе об истории вещей главной является «преобразующая природу деятельность человека, что осмыслено как этическая норма жизни общества» (с. 104).

О.С.Октябрьская в русле философского подхода рассматривает два жанра философской лирики – *антропологическую лирику* и *натурфилософскую лирику* – на примере поэзии Е.А.Благиной, И.П.Токмаковой, В.Д.Берестова. На наш взгляд, логичнее бы рассуждать о жанровых образованиях и дать более простые, сообразные с сутью детской литературы обозначения – вроде лирики о человеке и лирики о природе.

Чувствуется, что О.С.Октябрьская чрезвычайно пристрастна к категории жанра, стремится добавить к устоявшимся и общепринятым жанрам свое новаторское понимание этого сложного литературного явления. При этом нам, как читателю, не хватает стройной и логически выстроенной жанровой системы поэзии 1920-1950-х гг. для детей, с четкими внутренними подразделениями (с жанровыми разновидностями) и, наоборот, с объединением в широкие жанровые группы, недостает убедительности доказательств. С одной стороны, к жанру диссертант почему-то относит антропологическую лирику и натурфилософскую лирику (эти чрезвычайно объемные и «концептуально-размытые» образования), стихотворение, стихотворение–мизансцену, рассказ в стихах, возрастной психологический портрет и социальный портрет юной личности, лирическое экскурсионное путешествие, поэму, поэтическую сказку и т.п. С другой стороны, цикл стихотворений оказался вдруг причисленным к жанровой разновидности: «Примером такой жанровой разновидности стал цикл Барто “Вовка – добрая душа” (1962)» (с. 137). Получается, что жанр и даже жанровая разновидность может реализоваться не в одном произведении, а в их совокупности? Правда, в «*Заключении*» все-таки фигурирует «жанр лирического цикла» (с. 427), а в «*Автореферате*» – «жанровые формы *лирической миниатюры* и *лирического цикла*» (с. 19).

Если не вдаваться в подробности жанровой природы, то сама суть произведений проанализирована О.С.Октябрьской виртуозно, с привлечением точек зрения других ученых, а круг изучаемых текстов репрезентативен и разнообразен.

Безукоризненно написаны параграфы про детские поэтические произведения В.В.Маяковского и их фольклорные корни, про древнерусские истоки поэмы «Наша древняя столица» Н.П.Кончаловской, про жанровый полиморфизм в творчестве К.И.Чуковского, про поэзию абсурда для детей Д.Хармса.

Хронологические рамки диссертации оказались более широкими, чем обозначено в заглавии. К примеру, поэзия А.Л.Барто, С.В.Михалкова и В.Д.Берестова анализируется и применительно к их стихотворениям и поэмам 1960-1980-х годов. Анализ творчества Д.Хармса продолжается в

изучении его последователей, в том числе А.А.Усачева (род. в 1958 г.). Исследовательскому дару О.С.Октябрьской и ее искренней любви к изучаемому предмету тесно в избранных ею же границах, и исследовательница иногда расширяет их.

Чувствуется, что какие-то части первой и второй глав писались наспех, содержат опечатки и стилистические огрехи. На с. 38-39 почти дословно повторен фрагмент с употреблением одних и тех же слов: «Н. К. Крупской написано множество статей, *сделано* большое количество докладов на самых *разных* трибунах, в *разных* форматах *сделано* достаточно заявлений о детском чтении, содержании детской книги. К примеру, речь на I Всероссийской конференции по учебной и детской книге “Об учебнике и детской книге для I ступени” (1926), статьи “Какая книжка нужна нашим детям”, “Детская книга – мощное орудие социалистического воспитания” и другие». Еще один обширный фрагмент дважды воспроизведен на с. 125 и с. 141: «Появление нового типа читателя, вышедшего из народной массы и тесным образом с ней связанного, обеспечивало необходимость обращения к ознакомительно-познавательным аспектам бытия. В то же время жесткая политика в области воспитания сознательного гражданина новой страны делала из литературы идеологическую дисциплину, что, несомненно, усиливало дидактическую, воспитательную роль литературы и искусства в целом. Для детской литературы дидактико-познавательный аспект являлся и продолжает являться органической и неотъемлемой частью».

Вероятно, опечаткой является термин «акростихидные азбуки» (с. 49): более привычна дефиниция «акростихийный». На с. 77 невнятна вторая часть фразы: «Учтено гендерное содержание игры: для мальчика три пустых катушки превращаются в самодельный грузовик, палка – в коня, для девочки такого два свернутых лоскута ткани способны – куклой в пестром платье <...>». На с. 83 нарушено согласование: «Особый пласт поэтического творчества Барто – литература о и для подростков». Или на с. 108: «Например, в “Сказке о глупом мышонке” (1924) сочетание умеренной дидактики и юмора, выраженных в ритме, сюжете, амплификации деталей, отвечает синтез пародии с жанром колыбельной песни <...>».

Странным для докторской диссертации является цитирование текстов по хрестоматии (с. 209-211 – Хрестоматия по детской литературе / Сост. И.Н.Арзамасцева, Э.И.Иванова, С.А.Николаева. М., 2000), а не по оригинальным авторским книгам. Также непонятно, почему докторант ссылается на вузовские учебники и учебные пособия (с. 147, 161, 314, 315, 317, 329, 332, 341, 343, 348, 352, 357, 397, 411 – Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. 8-е изд. М., 2008; Гриценко З.А. Детская литература. Методика приобщения детей к чтению: Учеб. пособие для студ. фак. дошк. воспитания высш. пед. учеб. заведений. М., 2004; Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века: Учеб. пособие. М., 2009; Аникин В.П. Теория фольклора. Курс лекций. М., 1996; Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: Учеб. пособие. М., 2008; Арзамасцева И.Н., Николаева С.А. Детская литература: Учебник. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2005; Минералова И.Г.

Детская литература. Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002; Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999; История русской литературы XX века (20-50-е годы): Литературный процесс. Учеб. пособие. М., 2006), а не на репрезентативные монографии и статьи. Если бы темой диссертации стали учебники, тогда цитирование их было бы логично.

В Третьей главе «*Формирование и развитие системы жанров в русской детской прозе 1920–50-х годов*» О.С.Октябрьская говорит об оригинальных воспитательных системах, вызвавших новые подходы к воспитанию детей, в том числе и с помощью детской литературы. Исследовательница приводит цитаты из доклада С.Я.Маршака в 1934 году на Первом Всесоюзном съезде писателей, в котором предлагался отказ от институтских повестей и святочных рассказов, слабых переводных и компилированных произведений; утверждались воспитание нового отношения к хозяйству и труду, отмена прямой дидактики и бессюжетности, минимализм формальных экспериментов; необходимость возрастной дифференциации детской литературы.

Особое место среди произведений о школе занимают повесть бывших беспризорников Л.Пантелеева (наст. фамилия – А.И.Еремеев, 1908–1989) и Г.Г.Белых (1906–1938) «Республика ШКИД» (1927) и роман педагога А.С.Макаренко (1888–1939) «Педагогическая поэма» (1927–1935). Эти книги – о концепциях воспитания.

Объединение дневникового жанра с объективным повествованием представлено в «Дневнике Кости Рябцева» (1927) Н.Огнева (наст. фамилия – М.Г.Розанов, 1888–1938) и в повести «Кондуит и Швамбрания» (1928–1933) Л.А.Кассиля (1905–1970). В «Дневнике Кости Рябцева» показана эмоциональная реакция ученика на введение американского Дальтон-плана – с реорганизацией процесса обучения, с самостоятельным получением знаний и зачётами вместо оценок.

Школьная повесть 1930-х гг. реализована в автобиографической повести «Школа» (1930) А.П.Гайдара (наст. фамилия – А.П.Голиков, 1904–1941) и в повести «Черемыш, брат героя» (1938) Л.А.Кассиля, в которых превалирует героическое воинское начало, а также в «Серебряном гербе» (1938) К.И.Чуковского (наст. фамилия – Н.В.Корнейчуков, 1882–1969).

Разновидностью школьной повести выступает «каникулярная повесть» (термин Е.Добренко) «Военная тайна» (1934–1936) А.П.Гайдара.

Послевоенная школа показана в повести «Витя Малеев в школе и дома» (1951) Н.Н.Носова (1908–1976), где также присутствует дневниковая форма повествования, известная с конца 1920-х гг. В целом, по мнению О.С.Октябрьской, школьная повесть 1920–1950-х гг. дополняется приключенческой составляющей, психологическим началом, детективными сюжетными ходами.

О.С.Октябрьская выделяет жанровые разновидности романа (повести) воспитания: это *произведения о взрослении и становлении характера героя* («Белеет парус одинокий» (1936) В.П.Катаева, 1897–1986; «Два капитана» (1938–1944) В.Каверина, 1902–1989; «Динка» (1954–1965) В.А.Осеевой, 1902–1969; «Дорога уходит вдаль» (1956–1961) А.Я.Бруштейн, 1884–1968).

Далее О.С.Октябрьская почему-то опять говорит о жанре (а не о жанровой разновидности романа и/или повести) *романизированной биографии* (с. 272), к которому относит роман «Кюхля» (1925) Ю.Н.Тынянова, повесть о Н.Баумане «Грач – птица весенняя» (1937) С.Мстиславского, «Железный Феликс» (1938) Ю.А.Германа. После Великой Отечественной войны появились героические биографии о погибших юных героях с элементами жития: «Четвёртая высота» (1945) Е.Ильиной (наст. фамилия – Л.Я.Маршак, 1901–1964), «Повесть о Зое и Шуре» (1950) Л.Космодемьянской (литературная запись Ф.Вигдоровой), «Повесть о сыне» (1958) Е.Кошевой, «Улица младшего сына» (1947-1949) М.Поляновского и Л.Кассиля.

Далее О.С.Октябрьская выделяет *произведения об исключительной личности* – «Тимур и его команда» (1940) и киносценарий «Клятва Тимура» (1941) А.П.Гайдара.

Затем следует ещё одна жанровая разновидность – *повествование об испытании человека*: «Судьба барабанщика» (1938) А.П.Гайдара, «Сын полка» (1944) В.П.Катаева.

Далее О.С.Октябрьская выдвигает *роман о карьере*: «Вратарь республики» (1938, новая редакция – 1959) Л.Кассиля, «Ход белой королевы» (1956) Л.Кассиля.

Затем диссертант рассматривает *произведения о воспитании чувств* (о первой любви): это «Повесть о рыжей девочке» (1929) Л.А.Будогоской (1898–1984) – продолжение традиции институтской повести; «Дикая собака Динго, или Повесть о первой любви» (1939) Р.Фраермана.

О.С.Октябрьская делает вывод о том, что «роман воспитания для детей порождает жанровые разновидности: произведения о взрослении и становлении характера, биографическое повествование, произведения об исключительной личности, роман о карьере, повествование об испытании человека, повесть о воспитании чувств» (с. 289). Другой исследователь мог бы выделить иные жанровые разновидности, поскольку литературный материал многопланов и позволяет находить разные жанрово-содержательные и тематические линии, но остается право диссертанта предложить свое осмысление литературного процесса в прозе 1920-1950-х гг.

О.С.Октябрьская анализирует жанр рассказа в русской детской литературе 1920–1950-х гг. на примере «Р.В.С.» (1925) А.П.Гайдара. Диссертант выделяет жанровые разновидности *рассказа–исповеди* на примере «Голубой чашка» (1936) и «Горячего камня» (1940) А.П.Гайдара, а также *рассказ-характер* («Чук и Гек» (1939) А.П.Гайдара) и *юмористический рассказ* (на примере произведений Н.Носова и В.Ф.Драгунского).

О.С.Октябрьская постулирует рождение научно–художественной детской книги со своей системой жанров, которая появилась в журнале «Новый Робинзон» (1923-1925), в разделах «Мастеровой», «Сделай сам», «Лаборатория «Нового Робинзона», «Погляди на небо».

Жанр *повести-исследования* явлен в «Письме греческого мальчика» (1930) С.Я.Лурье, где даны точные сведения о папирусе и способах его

изготовления, способы расшифровки древнегреческих надписей современными учёными. Жанры *приключенческого рассказа*, *рассказа-исследования* и *рассказа-фантазии* представлены в творчестве Б.С.Житкова (1882–1938).

Интересно выявление диссертантом двух противоположных тенденций: «преобразование природы» с пафосом революционного переустройства мира и, наоборот, взгляд на природу как на уникальную, цельную, разумно устроенную систему, которая становится уязвимой при вмешательстве человека в её законы.

Жанры литературы о животных включают *этологическую сказку* (то есть сказку о поведении животных), *философский рассказ* и *очерк*, *репортаж*, *газетную статью* как публицистические жанры – на примере творчества В.В.Бианки (1894–1959) с его «Лесной газетой на каждый день». *Рассказы-портреты* характерны для рассказов о животных О.В.Перовской (1902–1961), а *рассказы-воспитание* и *рассказы-события* типичны для В.В.Чаплиной (1906–1994); оба автора – сотрудницы зоопарка, имеющие свой взгляд на питомцев.

Жанры *натурфилософской прозы* включают *рассказ-наблюдение*, *рассказ-монолог* и *рассказ-диалог/полилог* М.М.Пришвина (1873–1954); заметим, что «полилог» – искусственно-избыточное образование, почему-то востребованное у некоторых литературоведов, «забывших», что «диалог» – это и так многоголосье, берущее отсчет от двух и более реплик собеседников. Также анализируются *рассказы-случаи* и *философские сказки* К.Г.Паустовского (1892–1968), *эмоционально-лирические рассказы* Г.А.Скребицкого (1903–1964).

Подробно описана история и теория литературной сказки. О.С.Октябрьская предлагает термин – *сказки искусства* (с. 347), то есть литературные сказки с признаками других видов искусства – кинематографа, театра, цирка, балагана. *Сказка воспитания* представлена в сказке «Королевство кривых зеркал» (1951) В.Губарева.

Хотелось бы, чтобы была проанализирована фантастика для детей 1920-1950-х гг., тем более что она упомянута в «Заключении» на с. 432 и в русской литературе имеются прекрасные ее образцы («Аэлита» и «Гипербалоид инженера Гарина» А.Н.Толстого; «Голова профессора Доуэля» и «Человек-амфибия» А.Р.Беляева, «Туманность Андромеды» И.А.Ефремова и др.).

«Библиография» состоит из четырех разделов – «Источники», «Литература по психологии, педагогике, синтезу искусств, культурологии», «Диссертации и авторефераты диссертаций» и «Научная литература». К последнему пункту почему-то причислены вузовские учебники, писательские очерки (Баруздин С. Заметки о детской литературе. М., 1975; Вслух про себя: Сборник статей и очерков советских детских писателей: В 2 кн. М., 1975; Горький М. Человек, уши которого заткнуты ватой // Правда, 1930, 19 января. № 19), критические статьи (Белинский В.Г. ПСС: В 13 т. М., 1954. Т. 5; Горький М. О безответственных людях и о детской книге наших дней // Правда, 1930, 10 марта. № 68), воспоминания (Воспоминания о Корнее

Чуковском /Сост. и коммент. Е.К.Чуковская, Е.В.Иванова. М., 2012; Дети эмиграции: Воспоминания. М., 2001) и множество книг издательства «Детская литература». Библиография внушительна и современна: насчитывает 636 позиций и завершается 2016 годом.

Заметим, что пункт 283 на с. 451: Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: авторский «жизнетекст» на перекрестье культурных традиций. Дисс... докт. филол. наук. М., 2008 – не должен существовать; вместо него имеются одноименная монография (М.: Языки славянской культуры, 2006. (Сер. Studia philologica) – 920 с.) и автореферат дисс. ...докт. филол наук, 2008.

Автореферат О.С.Октябрьской отвечает содержанию диссертации, однако в нем есть маленькое дополнение: глава II «Детская поэзия 1920-50-х годов: основные тенденции и имена» (с. 16) имеет уточняющий подзаголовок, отсутствующий в диссертации. В автореферате дана библиография диссертанта, состоящая из 52 пунктов (из них 3 – учебники и учебные пособия, 16 – статьи в журналах ВАК, 8 – статьи в «Большой российской энциклопедии»).

Высказанные замечания являются незначительными и не влияющими на общую положительную оценку диссертации О.С.Октябрьской, которая является глубоким самостоятельным исследованием, открывающим новые горизонты в литературоведении, в изучении детской литературы.

Диссертация Ольги Святославовны Октябрьской соответствует пунктам 9-11 Постановления Правительства Российской Федерации «О порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 г. № 842, и ее автор заслуживает искомой ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Самоделова Елена Александровна,
доктор филологических наук по специальностям 10.01.01 – русская литература и 10.01.09 – фольклористика,
ФГБУН Институт мировой литературы имени А.М.Горького
Российской академии наук, старший научный сотрудник отдела фольклора

121069, г. Москва, ул. Поварская, 25-а

тел. 8 (495) 960-50-30

helsa@rambler.ru

21 марта 2017 г.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮЩИЙ

ГЛ. СПЕЦИАЛИСТ
ИМЛИ РАН

И.И. ШАБАН

Основные публикации Е.А.Самоделовой по специальности 10.01.01

Монографии

1. Самоделова Е.А. Историко-фольклорная поэтика С.А.Есенина /Рязанский этнографический вестник. 1998. – 225 с.
2. Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А.Есенина: Авторский житнетекст на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянской культуры, 2006. (Сер. *Studia philologica*) – 920 с.; илл.
3. Самоделова Е.А. Гастрономическая поэтика С.А.Есенина и народная пищевая культура /Рязанский этнографический вестник. 2012. № 48. – 376 с.

Статьи за последние 5 лет

4. Самоделова Е.А. Аркадий Гайдар – творец и бытописатель боевой истории России первой трети XX века // Материалы и исследования по рязанскому краеведению /Отв. ред. Б.В. Горбунов. Рязань, 2016. Том 45. С. 4–66.
5. Самоделова Е.А. Художник Е.В. Честняков: от биографии к «агиографии» (к постановке вопроса) // Динамика традиции в региональном измерении: Трансформационные процессы в культуре и языке Костромского края / Отв. ред. и сост. И.А. Морозов, И.С. Слепцова (Кызласова). М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, 2016. - С. 151-207.
6. Самоделова Е.А. Старообрядческие и сектантские ключи к «Ключам Марии» Есенина // Сергей Есенин и искусство /Есенин в XXI веке. М., 2014. С. 97-113.
7. Самоделова Е.А. Принципы комизма в ранних сказках А.Н.Толстого («Сорочьи сказки», 1910) // Комическое в русской литературе XX века /Отв. ред. Д.Д.Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 67-83.
8. Самоделова Е.А. Первоисточники “Сорочьих сказок» А.Н.Толстого // Алексей Толстой: Диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 26-42.
9. Самоделова Е.А. Сказка А.Н.Толстого «Солдат и чорт»: повествовательная и драматургическая версии // Алексей Толстой: Диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 298-327.
10. Самоделова Е.А. Сказки Аркадия Гайдара и параллели к ним в современном фольклоре // Традиционная культура. М., 2014. № 1. С. 102-112.
11. Самоделова Е.А. Фольклорист А.Н.Нечаев – научный консультант А.Н.Толстого (по архивным источникам) // Из истории русской фольклористики. СПб.: Наука, 2013. Вып. 8. С. 438-480.
12. Самоделова Е.А. Проблема датировок и выбора источника текста «Русских народных сказок в обработке А.Н.Толстого» // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 368-376.

13. Самоделова Е.А. Произведения А.Толстого для детей: история создания // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 169-180.

14. Самоделова Е.А. Фольклорно-этнографические комментарии к реалиям сельской жизни на материале произведений С.Есенина, С.Клычкова, В.Распутина // Творчество В.Г.Распутина в социокультурном и эстетическом контексте эпохи. Коллективная монография. М.: МПГУ, Прометей, 2012. С. 210-217.

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

ГЛ. СПЕЦИАЛИСТ
ИМЛИ РАН

Шабанова
Н.И. ШАБАНО

Якуз
Соркина